

ИЗ ЦИКЛА «ПОСВЯЩЕНИЕ»

Одного я пою

Одного я пою, всякую простую отдельную личность,
И все же Демократическое слово твержу,
слово «En Masse»*.

Физиологию с головы и до пят я пою,
Не только лицо человеческое и не только рассудок
достойны
Музы, но все Тело еще более достойно ее,
Женское наравне с Мужским я пою.

Жизнь, безмерную в страсти, в биении, в силе,
Радостную, созданную чудесным законом для самых
свободных деяний,
Человека Новых Времен я пою.

1867

Когда я размышлял в тиши

Когда я размышлял в тиши,
Обдумывая стихи, возвращаясь к ним снова и снова,
Предо мною вырос Призрак с недоверчивым
взглядом,
Ужасающий красотой, долголетьем и мощью,
Дух поэтов древних царств;

* Все вместе (фр.).

Обратив ко мне пламенный взор,
Он указал на многие бессмертные песни
И грозно спросил: «*Что ты воспевашь,
Разве ты не ведаешь, что у мировых поэтов есть
только одна тема?
И это тема Войны, военного счастья,
Воспитания настоящих солдат*».

«*Будь по-твоему, — я ответил, —
Я, надменная Тень, также пою войну, и куда более
долгую и великую, чем любая другая,
И я в моей книге связан с изменчивым счастьем,
с бегством, наступлением и отступлением,
с медлящей и неверной победой
(Которая все же несомненна или почти несомненна),
всемирной битвой
За жизнь и смерть, за Тело и за вечную Душу,
Ты слышишь, я тоже пришел, распевая песню
битвы,
И я, первым делом, славлю храбрых солдат*».

1871

На кораблях в океане

В океане, на могучих кораблях
(Когда вокруг расстилается безграничная синь,
Ветры свистят и с гармоничным шумом вздымаются
волны огромные, величественные)
Или на одинокой шхуне, легко плывущей
в темно-синем просторе, —
Когда, радостная, уверенная, распростерши белые
паруса,
Она рассекает эфир в свете искристого,
пенистого дня и под бесчисленными
звездами ночи,

Моряки, молодые и старые, может быть, прочтут
и поймут мои стихи, напоминание о земле,
И полностью сроднятся с ними.

*«Вот наши мысли, мысли путников, — пусть скажут
они тогда, —
Не только землю, не одну лишь сушу мы ощущаем
здесь, —
Здесь небо раскинуло свод; смотри, под ногами
колеблется палуба,
Нам слышно постоянное биеие бесконечного потока,
приливы его и отливы, —
Звуки невидимой тайны, неясные намеки широкого
соленого мира, текучие слоги,
Благоухание моря, легкий скрип снастей,
меланхоличный ритм,
Безграничный простор, горизонт, далекий
и туманный, — все они здесь,
Это — поэма про океан».*

И поэтому, моя книга, не робей, выполняй, что тебе
предназначено, —
Ведь ты не только напоминание о земле,
Ты тоже одинокий парусник, рассекающий
эфир, бегущий к неизвестной цели, но всегда
уверенный.
Отплывай же и ты вместе с плывущими кораблями!
Отнеси им всем мою любовь (родные моряки, я
вкладываю в каждый лист мою любовь к вам!),
Спешу, спешу, моя книга! Раскрой свои паруса,
утлое суденышко, над величественными волнами,
Плыви все дальше и пой; во все моря, через
безграничную синь, носи мою песню
Морякам и их кораблям.

1871

Историку

Ты, восхваляющий прошлое,
Ты, изучавший парадную сторону наций, жизнь —
такой, какой она выставляет себя напоказ,
Ты трактовал человека, как порождение
политиканов, группировок, вождей, жрецов.
А я, обитатель Аллеган, трактую его, как он есть,
по естественным законам,
Держу руку на пульсе жизни, ведь она редко
выставляет себя напоказ (у человека большое
чувство собственного достоинства),
Я, певец Личности, намечаю то, что грядет,
Я набрасываю контур истории будущего.

1861

Тебе, старинное дело борьбы за свободу

О, старинное дело борьбы за свободу!
Не знающее равных, исполненное страсти,
доброе дело,
Суровая, беспощадная, нежная идея,
Бессмертная во все века, у всех племен, во всех
странах!
После странной, печальной войны, великой войны
за тебя
(Да и все войны, во все времена, по-моему,
люди вели за тебя — и всегда за тебя
они будут воевать)
Эти песни — в твою честь, в честь вечного твоего
движения вперед.
(Да, эту войну, солдаты, вы вели не только
из-за самой войны,

Что-то более важное, гораздо более важное,
молчаливо стояло за ее спиной; и оно выступает
теперь, в этой книге.)

Ты, вселенная многих вселенных!
Кипящее начало! Заботливо выращиваемый,
невидимый глазу росток! Центр всего!
Вокруг мысли о тебе вращалась война
С ее гневной, неистовой игрой причин
(И с ее обильными плодами, которые мир узнает
через трижды тысячу лет),
Эти напевы — для тебя... Моя книга и эта война —
это одно и то же,
Я и все мое — мы слиты с ее духом: ведь борьба
велась за тебя!
Как вокруг оси вращается колесо — так и эта книга
невольно
Вращается вокруг мысли о тебе.

1871

Читая книгу

Читая книгу, биографию прославленную,
И это (говорю я) зовется у автора человеческой
жизнью?
Так, когда я умру, кто-нибудь и мою опишет жизнь?
(Будто кто по-настоящему знает что-нибудь
о жизни моей.
Нет, зачастую я думаю, я и сам ничего не знаю
о своей подлинной жизни,
Несколько слабых намеков, несколько сбивчивых,
разрозненных, еле заметных штрихов,
Которые я пытаюсь найти для себя самого,
чтобы вычертить здесь.)

1867

Штатам

Говорю всем Штатам, и каждому из них, и любому
городу в Штатах:

«Побольше противься — подчиняйся поменьше».

Неразборчивое послушание — это полное рабство,

А из полного рабства нация, штат или город

не возвратятся к свободе.

1860

Некой певице

Вот возьми этот дар,

Я его сберегал для героя, для оратора,

для полководца,

Для того, кто послужит благородному

правому делу, великой идее, всенародному

счастью, свободе,

Для бесстрашного обличителя деспотов,

для дерзкого бунтаря;

Но я вижу, что мой издавна сберегаемый дар

принадлежит и тебе, как любому из них.

1860

Я не доступен тревогам

Я не доступен тревогам, я в Природе невозмутимо
спокоен,

Я хозяин всего, я уверен в себе, я среди животных
и растений,

Я так же восприимчив, податлив, насыщен,
молчалив, как они,

Я понял, что и бедность моя, и мое ремесло,

и слава, и поступки мои, и злодейства не имеют

той важности, какую я им придавал,

Я в тех краях, что тянутся до Мексиканского моря,
или в Маннахатте, или в Теннесси, или далеко
на севере страны,
На реке ли живу я, живу ли в лесу, на ферме
ли в каком-нибудь штате,
Или на морском берегу, или у канадских озер,
Где бы ни шла моя жизнь, — о, быть бы мне всегда
в равновесии, готовым ко всяким случайностям,
Чтобы встретить лицом к лицу ночь, ураганы, голод,
насмешки, удары, несчастья,
Как встречают их деревья и животные.

1861

Слышу, поет Америка

Слышу, поет Америка, разные песни я слышу:
Поют рабочие, каждый свою песню, сильную
и зазывную.
Плотник — свою, измеряя брус или балку,
Каменщик — свою, готовя утром рабочее место
или покидая его ввечеру,
Лодочник — свою, звучащую с его лодки, матросы
свою — с палубы кораблей,
Сапожник поет, сидя на кожаном табурете,
шляпник — стоя перед шляпной болванкой,
Поет лесоруб, поет пахарь, направляясь чем свет
на поля, или в полдень, или кончив работу,
А чудесная песня матери, или молодой жены,
или девушки за шитьем или стиркой, —
Каждый поет свое, присущее только ему,
Днем — дневные песни звучат, а вечером — голоса
молодых, крепких парней,
Распевающих хором свои звонкие, бодрые песни.

1860

Где осажденная крепость?

Где осажденная крепость, бессильная отбросить
врага?

Вот я посылаю туда командира, он проворен, он смел
и бессмертен,

С ним и пехота, и конница, и обозы орудий.

И артиллеристы беспощаднее всех, что когда-либо
палили из пушек.

1860

Пусть безмятежен тот, кого я пою

Пусть безмятежен тот, кого я пою

(Тот, рожденный борением противоречий),
я посвящаю его Народу,

Я вселяю в него мятеж (о, тайное пламя и право
бунта! О, неугасимое, животворящее пламя!).

1871

Не закрывайте дверей

Не закрывайте дверей предо мною, надменные
библиотеки,

Ведь я приношу вам то, чего никогда не бывало
на ваших тесно уставленных полках,
то, что вам нужнее всего,

Ибо и я, и моя книга выросли из войны;

Слова моей книги — ничто, ее стремление — все,

Одинокая книга, с другими не связанная,
ее не постигнешь рассудком,

Но то сокровенное, что не сказано в ней, прорвется
на каждой странице.

1865

Поэтам, которые будут

Поэты, которые будут! Певцы, музыканты, ораторы!
Не нынешний день оправдает меня и ответит, зачем я,
Нет, люди породы иной — коренной, атлетической,
куда величавее прежних.

Явитесь! Вам надо меня оправдать.

Я сам напишу для будущих дней два-три указующих
слова,
Выступлю только на миг, чтоб уйти опять в темноту.

Я — тот, кто, слоняясь в толпе, на ходу вас глазами
окинет и снова лицо отвернет,
Вам предоставив его разгадать и создать отчетливый
образ,
Главного жду я от вас.

1860

Тебе

Первый встречный, если ты, проходя, захочешь
заговорить со мною, почему бы тебе не заговорить
со мною?

Почему бы и мне не начать разговора с тобой?

1860

В тебе, читатель

В тебе, читатель, трепещет жизнь, гордость,
любовь — как и во мне,
Поэтому для тебя эти мои песни.

1881

Песня о себе

1

Я славлю себя и воспеваю себя,
И что я принимаю, то примете вы,
Ибо каждый атом, принадлежащий мне,
принадлежит и вам.

Я, праздный бродяга, зову мою душу,
Я слоняюсь без всякого дела и, лениво нагнувшись,
разглядываю летнюю травинку.

Мой язык, каждый атом моей крови созданы из этой
почвы, из этого воздуха;
Рожденный здесь от родителей, рожденных здесь
от родителей, тоже рожденных здесь,
Я теперь, тридцати семи лет, в полном здоровье,
начинаю эту песню
И надеюсь не кончить до смерти.

Догматы и школы пускай подождут,
Пусть отступят немного назад, они хороши там,
где есть, мы не забудем и их,
Я принимаю природу такую, какова она есть,
я позволяю ей во всякое время, всегда
Говорить невозбранно с первобытной силой.

2

Пахнут духами дома и квартиры, на полках так много
духов,
Я и сам дышу их ароматом, я знаю его и люблю,
Этот раствор опьянил бы меня, но я не хочу
опьяняться.

Воздух не духи, его не изготовили химики,
он без запаха,
Я глотал бы его вечно, я влюблен в него,
Я пойду на лесистый берег, сброшу одежды и стану
голым,
Я схожу с ума от желания, чтобы воздух прикасался
ко мне.
Пар моего дыхания,
Эхо, всплески, жужжащие шепоты, любовный
корень, шелковинка, стволы-раскоряки,
обвитые лозой,
Мои вдохи и выдохи, биение сердца, прохождение
крови и воздуха через мои легкие,
Запах свежей листвы и сухой листвы, запах морского
берега и темных морских утесов, запах сена
в амбаре,
Мой голос, извергающий слова, которые я бросаю
навстречу ветрам,
Легкие поцелуи, объятия, касания рук,
Игра света и тени в деревьях, когда колышутся
гибкие ветки,
Радость — оттого, что я один, или оттого,
что я в уличной сутолоке, или оттого, что я брожу
по холмам и полям,
Ощущение здоровья, трели в полуденный час,
та песня, что поется во мне, когда, встав поутру,
я встречаю солнце.

Ты думал, что тысяча акров — это много? Ты думал,
что земля — это много?
Ты так долго учился читать?
Ты с гордостью думал, что тебе удалось добраться
до смысла поэм?

Побудь этот день и эту ночь со мною, и у тебя будет
источник всех поэм,
Все блага земли и солнца станут твоими (миллионы
солнц в запасе у нас),
Ты уже не будешь брать все явления мира из вторых
или третьих рук,
Ты перестанешь смотреть глазами давно умерших
или питаться книжными призраками,
И моими глазами ты не станешь смотреть,
ты не возьмешь у меня ничего,
Ты выслушаешь и тех и других и профильтруешь
все через себя.

3

Я слышал, о чем говорили говоруны, их толки
о начале и конце,
Я же не говорю ни о начале, ни о конце.

Никогда еще не было таких зачатий, как теперь,
Ни такой юности, ни такой старости, как теперь,
Никогда не будет таких совершенств, как теперь,
Ни такого рая, ни такого ада, как теперь.

Еще, и еще, и еще,
Это вечное стремление вселенной рождать и рождать,
Вечно плодородное движение мира.

Из мрака выходят двое, они так несхожи, но равны:
вечно материя, вечно рост, вечно пол,
Вечно ткань из различий и тождеств, вечно
зарождение жизни.

Незачем вдаваться в подробности, и ученые и неучи
чувствуют, что все это так.

Прочно, и твердо, и прямо, скованные мощными
скрепами,
Крепкие, как кони, пылкие, могучие, гордые,
Тут мы стоим с этой тайной вдвоем.
Благостна и безмятежна моя душа, благостно
и безмятежно все, что не моя душа.

У кого нет одного, у того нет другого, невидимое
утверждается видимым,
Покуда оно тоже не станет невидимым и не получит
утверждения в свой черед.

Гоняясь за лучшим, отделяя лучшее от худшего,
век досаждают веку, —
Я же знаю, что все вещи в ладу и согласии.
Покуда люди спорят, я молчу, иду купаться
и восхищаться собою.

Да здравствует каждый орган моего тела и каждый
орган любого человека, сильного и чистого!
Нет ни одного вершка постыдного, низменного,
ни одной доли вершка, ни одна доля вершка
да не будет менее мила, чем другая.

Я доволен — я смотрю, пляшу, смеюсь, пою;
Когда любовница ласкает меня, и спит рядом со
мною всю ночь, и уходит на рассвете украдкой,
И оставляет мне корзины, покрытые белой тканью,
полные до краев, —
Разве я отвергну ее дар, разве я стану укорять мои
глаза
За то, что, глянув на дорогу вослед моей милой,
Они сейчас же высчитывают до последнего цента
точную цену одного и точную цену двоих?